
ТВОРЧЕСТВО ДЖОНА ФАУЛЗА КАК ПОИСК СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ АНГЛИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

А.В. Жучкова

Российский университет дружбы народов
Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Бедна та народность, которая
трепещет за свою самостоятельность
при всяком соприкосновении с другою народностью!

В.Г. Белинский

Вопрос национальной самоидентификации Дж. Фаулза, его представлений об «английскости» и «британскости» является живым и актуальным в современном литературоведении. Исследователи изучают отдельные произведения писателя с точки зрения выражения в них национального кода [4; 5], проводят компаративные и сопоставительные аналогии, выявляя вслед за Фаулзом парадигму «английскости» в творчестве иных англоязычных писателей [7] или обращаясь по аналогии к обсуждению проблемы российской идентичности [1; 6]. Мы же избираем метод психологической рецепции национального кода, представленного как в теоретических эссе, так и в художественных произведениях Фаулза, и связываем национальную идею с процессом становления личности.

Рассматривая произведения Дж. Фаулза сквозь призму отношения к Англии и англичанам, мы приходим к выводу, что одной из ведущих идей его творчества является утверждение свободы личности, противопоставленная в определенной степени национальной самоидентификации. Размышляя о «британскости» и «английскости», Фаулз в качестве субстанциональной черты национального английского характера выделяет стремление к справедливости. Вместе с тем он отмечает, что подобное стремление свойственно незрелому уровню психологического развития. В романах «Волхв», «Коллекционер», «Любовница французского лейтенанта» писатель ставит под сомнение объективность понятия «справедливость» и вместо него выдвигает понятие свободы личности. Фаулз говорит о внутренней личностной свободе как о принятии любых национальных особенностей и их преодолении в процессе личностного роста.

Ключевые слова: национальная идентичность, Фаулз, английскость, британскость, личностная свобода, справедливость

Вопрос национальной самоидентификации Дж. Фаулза, его представлений об «английскости» и «британскости» является живым и актуальным в современном литературоведении. Исследователи изучают отдельные произведения писателя с точки зрения выражения в них национального кода [4; 5], проводят компаративные и сопоставительные аналогии, выявляя вслед за Фаулзом парадигму «английскости» в творчестве иных англоязычных писателей [7] или обращаясь по аналогии к обсуждению проблемы российской идентичности [1; 6]. Мы же избираем метод психологической рецепции национального кода, представленного как в теоретических эссе, так и в художественных произведениях Фаулза, и связываем национальную идею с процессом становления личности.

Размышляя о роли писателя в современном мире, Дж. Фаулз пишет: «Я не хочу быть английским писателем, я хочу быть писателем европейским, то есть я сказал бы — мегаевропейским (Европа плюс Америка плюс Россия плюс все те страны, где культура является, по существу, европейской)... Какой толк писать для того, чтобы тебя читали только в Англии? Я даже и англичанином-то быть не хочу. Мой родной язык — английский, но я — мегаевропеец» [15. С. 37]. Означает ли это заявление, что Фаулз избегает национальной самоидентификации, стремясь к некоей космополитической усредненности ради возможности обрести больше точек соприкосновения с читателями иных стран в целях обретения широкой популярности и мирового признания? Писатель сам отвечает на этот вопрос: «Очень важно, чтобы современный писатель не был привержен одному стилю. Будущий великий мегаевропейский писатель станет использовать всевозможные стили, как писал картины Пикассо или музыку — Стравинский. Это не означает утраты идентичности. Утрата идентичности происходит тогда, когда все приносится в жертву страху эту идентичность утратить» [15. С. 39]. Как видим, не к опрощению, а наоборот, к познанию и обогащению обращены стремления Фаулза. Ф.М. Достоевский считал особенностью русской идентичности способность синтезировать характерные национальные черты европейских народов, способность вместить и понять их, оставаясь при этом самим собой: «способность всемирной отзывчивости и полнейшего перевоплощения в гении чужих наций» [2. С. 39]. Фаулз ищет пути в чем-то сходного с всечеловечностью и всеединством русской души, его отношения с Англией строятся по принципу «понять, принять и пойти дальше». Не отвергая родину, писатель тем не менее любит в большей степени ее в собственном субъективном преломлении, которому дает название Зеленая Англия. Чуть позже мы раскроем значение этого образа для Фаулза. Помимо родины и даже, может быть, более нее, Дж. Фаулз по собственному признанию [8. С. 41—62; 13. С. 87—109], любит Францию, но тоже в опозитивированном виде, как «воображаемую» Францию, *la France sauvage*, находя в ней естественную природную обитель для свободной поэтической души («Башня из черного дерева»). Светом гармонического слияния человека и природы наполнено для него также и восприятие Греции: влюбленность в Грецию связана с переживанием девственности дикой природы Эллады — *agria Ellada*. В Америке он ценит стремление к свободе личности. Рассказывая об экранизации романа «Любовница французского лейтенанта», писатель не скрывает радости от того, что на главную женскую роль была назначена американская актриса Мерил Стрип. «Главная свобода, которой добивается героиня, — пишет он о своем романе, — ассоциируется в моем мозгу гораздо более с Америкой XIX века, чем с Англией» [14. С. 81].

Путь преодоления ограниченности, накладываемой национальным самосознанием, Фаулз видит не в отрицании особенностей национального характера, а в принятии их и постепенном сквозь них прорастании. Осознавая и принимая национальные корни, он в то же время обогащает свою национальную идентичность вбирая (что отражается и в творчестве) любовь к другим национальным культурам, понимание их и восхищение ими. Только такой путь ведет к обретению истинной свободы, поскольку путь противостояния и борьбы лишь закабаляет

протестующего, привязывая его крепкими узами к предмету, вызывающему негодование и отвращение.

Что же открывает Фаулз, постигая особенности английского менталитета, и какое выражение находит данное знание в его творчестве? В статье 1964 г. «Быть англичанином, а не британцем» писатель разводит понятия британскости и английскости, связывая первое с желанием власти, а второе — со стремлением к справедливости. «Все чаще и чаще я воспринимаю свое “британство” как поверхностное преобразование моей фундаментальной английскости, новый фасад, неуклюже приляпанный к гораздо более старому зданию. “Британия” — паспортное слово, удобное организационно и целесообразное политически» [8. С. 143]. «“Британия” представляется мне словом-лозунгом, оказавшимся наиболее полезным нам, когда наш исторический долг требовал, чтобы мы стали мощной военной державой... Британец периода расцвета империи всей душой верил, что Британия есть и должна быть сильнее любой другой страны мира, однако истинный англичанин никогда от души в это не верил. Его губительным идеалом всегда был и остается идеал полуплатонический: жить в самой справедливой стране в мире. Не в самой сильной» [8. С. 144].

Исходя из приведенной цитаты, роль британскости в концепции Фаулза становится понятна. Но не так просто обстоит дело с его пониманием «английскости». Истинным свойством национального английского характера писатель считает непогрешимое чувство справедливости: «пуританская увлеченность идеей справедливости и есть для меня квинтэссенция английскости... мы так ужасающе, так фригидно справедливы, так подобны Минерве» [8. С. 145].

Сильной или, наоборот, ущербной чертой является убежденность в собственной справедливости? В рамках рациональной мировоззренческой концепции, утвердившейся в Европе начиная с эпохи Возрождения и провозгласившей веру в поступательное развитие человечества в соответствии с законами логики и двухполюсного научного мышления, позиция Англии была, безусловно, сильной. Даже сильнейшей. Нация, занимающая небольшой островок, ведомая уверенностью в том, что она точно знает, где черное, а где белое, смогла подчинить себе половину суши на планете. Однако в изменчивой реальности века XX, опыт которого заставил человечество перестать слепо доверять догмам и идеологиям и поставил под сомнение существование объективной истины, уверенность целой нации в собственной непогрешимости, основанной на вере в имманентное ощущение справедливости, становится не силой, но слабостью. Понятие общей справедливости как таковой опровергается современным мировоззрением, поскольку сегодня человечество признает: то, что справедливо для одного, несправедливо для другого. Мы можем говорить лишь о субъективной справедливости, которая у каждого своя. Единица психики, как утверждают современные психологи, не аристотелевское тождество, а *различие*. Лишь тот, кто способен принять и понять различие, движется вперед, развивается и живет в полном смысле этого слова. «Карта не есть территория», — провозгласили социологи, антропологи и психологи конца XX в. Личность не исчерпывается единожды сформировавшимся образом собственной души, она не равна единственному представлению о себе, доказывают писатели: Г. Гессе, Т. Манн, А. Камю и... Дж. Фаулз.

В романах Фаулза человек проходит путь постижения того, что его первоначальное представление о себе, которое он считал безусловным и единственно возможным, не является истинным. Означает ли, что разрушение представления человека о себе самом равнозначно разрушению личности? Напротив, подвергаясь множеству внутренних перестроек и трансформаций, герой романа Фаулза «Волхв» Николас Эрфе приходит к пониманию своих подлинных стремлений, обретает чувство собственного достоинства и способность любить. Автор проводит героя через серию неожиданных и зачастую горьких разочарований, и каждое следующее крушение иллюзий оказывается глубже и тяжелее предыдущего. Разрушая ложные, навязанные средой и поверхностным отношением к жизни представления Николаса о романтической любви, о героизме, о моральной ответственности перед обществом, «маг» Кончис заставляет его прийти к пониманию своей истинной сути. Идейная кульминация романа — это сцена с двумя партизанами и восьмьюдесятью жителями деревни, которые должны погибнуть в том случае, если герой не решится, по приказу фашистского начальства, убить истерзанных и полуживых партизан. «Одна смерть и сто жизней взамен — да ведь тут арифметика!», — *справедливо* рассуждал Раскольников, но ценой «личного опыта» доказал, что арифметика в вопросах нравственности не является мерилем истины [3]. Герой Фаулза совершает свой экзистенциальный выбор тогда, когда на уровне более глубоком, чем сознание, чувствует, что физически, нравственно, духовно не может убить партизан. И тогда немцы расстреливают 80 мужчин деревни, старостой, опорой и защитой которой являлся герой.

Справедлив ли подобный выбор? Фаулз ставит вопрос так, что он не имеет решения. Оказывается, понятие справедливости неприменимо к тому, что составляет суть человека. Если мы верим в то, что в каждом есть искра божия, или, иными словами, совесть, то только с ней в момент жизненного выбора и сверяется человек. И решение, возможно, у каждого тоже будет свое. Фаулз не призывает к анархии и индивидуализму, но настаивает на том, что глубинные законы нравственности, сформированные в коллективном бессознательном (со-весть) глубже и серьезнее внешних социальных установлений пуританской морали или юридических ограничений.

В романе «Коллекционер» непоколебимая уверенность в собственной правоте и справедливости совершаемых ими действий присуща героям-антагонистам. И сама ситуация на первый взгляд не вызывает сомнений в том, кто злодей, а кто жертва. Но это только на первый взгляд. Только с позиции общей абстрактной *справедливости*. «Чудовищный и жалкий», по выражению автора, Клегг, олицетворяющий абсолютное зло, примитивную хищническую натуру, цель которой — обладание, а не творение, оказывается доверчивее и искреннее Миранды, которая, предположительно, должна нести красоту и свет. Виноват ли Клегг в том, что общество не дало ему тех возможностей, которые изначально были у Миранды: учиться, посещать художественную школу, театры и выставки, общаться с творческими людьми и расти в окружении красотой, хотя и сопряженной с немалой долей лжи (скрываемый алкоголизм матери, измены Ч.В.). Нет, не виноват. И совершенно правильно он не верит уверениям Миранды, что способен стать

ее другом и быть принятым в ее кругу в случае освобождения пленницы. Миранда для него — единственная надежда на спасение, а ее заточение — его личный способ стремиться к свету, доброте и любви. «Мне кажется, вы просто забываете, что и у меня есть сердце», — еще надеясь на понимание говорит он ей [10].

С точки зрения Миранды, ситуация имеет прямо противоположный модус: Калибан — зверь, сумасшедший, заточивший ее в подземелье, без воздуха и дневного света, и требующий... что? На этот главный вопрос Миранда так и не смогла найти ответа. И, честно говоря, не пыталась. Если лишение свободы — явная несправедливость по отношению к ней, то «восстановить справедливость» героиня пытается лишь одним способом — сбежать. Миранда уверена, что ей предназначена особая жизнь, никак не пересекающая с уродливым существованием полудикого Калибана. Не пытаясь понять его, она испытывает к Клеггу лишь отвращение и ненависть. Справедливо? Вполне. Но эта ненависть сжигает и разрушает условно светлую душу героини, приводя в итоге к смерти: «Ненавижу Бога. Ненавижу силу, создавшую этот мир. Людей. Сделавшую возможным существование Калибана. Возникновение таких ситуаций, как эта. Если Бог существует, то Он — огромный отвратительный паук, во тьме плетущий свою сеть» [10].

Теперь изначально однозначная оценка ситуации поставлена под сомнение. Если «немногие», судьбой и случаем вознесенные над большинством, являются действительно умнее, добрее и духовнее, то не ради ли того, чтобы делиться своим светом с остальными? Миранда не только не готова дарить тепло и свет своей души, к концу романа она становится отвратительна — и внутренне, и внешне. Соглашаясь отказаться от прежних нравственных императивов ради свободы физической, она теряет свободу духовную. Не менее страшен становится в финале и Калибан, как огромный паук, расчетливо выбирающий новую жертву.

«Коллекционер» — история о том, как уверенность в непогрешимости собственной справедливости приводит героев к нравственному краху. Не то же ли самое происходит с англичанами и Англией?

Желание навязать собственное понимание справедливости остальному миру приводит Англию к идее Великой Британии и мирового господства. «Мы всегда полагаем, что потенциально самая справедливая страна в мире, изобилующем потенциально несправедливыми странами, способна выжить только тогда, когда она достаточно сильна, чтобы сдерживать дракона» [8. С. 153]. Интересно, что Америка, лишенная собственной истории и культурных корней, отделившись от Англии в XVIII в., т.е. на пике расцвета национальной идеи мирового господства и буржуазности (Д. Дефо «Робинзон Крузо»), так и не смогла перерасти ее. И сегодня мы наблюдаем, как эта старая английская идея о «справедливости» стала навязчивой манией экономического и политического диктатора.

Альтернативой британской идее власти над миром Фаулз считает «уход в леса», так называемую идею Зеленой Англии, модель, предложенную народным сказанием о Робин Гуде. Не желая мириться с несправедливостью, но опасаясь, однако, прямой конфронтации с шерифом Ноттингемским, Робин Гуд уходит в леса. «Разумеется, уход в сторону — тоже движение, — пишет Фаулз, — но вовсе не

обязательно проявление высокой морали... В идеальном виде робингудовский «уход в леса» предпринимается для того, чтобы собрать силы и восстановить справедливость — *pour mieux sauter*. А на самом деле это может быть просто для того, чтобы наблюдать несправедливость из безопасного укрытия — из-под деревьев. Так мы каждый год слышим о преступлениях, которые могли бы предотвратить прохожие или те, кто случайно видел происходящее. Десять человек видят, как кто-то тонет, — ни один не примется действовать. И вовсе не из-за трусости: из-за того, что они — англичане.

Совесть англичанина слишком часто удовлетворяется актом внутреннего неодобрения: наше национальное заблуждение заключается в том, что такой акт что-то действительно значит. Мы страдаем чем-то вроде вялости этики, некоего морального запора. Огромное значение придается нашей любви к традициям, нашей нелюбви к новациям, но значительная доля нашего отношения к событиям, которые впрямую нас не затрагивают, на самом деле есть самое обыкновенное равнодушие, убежденность в том, что раз мы — молча — уже вынесли о них свое суждение, мало что можно сказать в пользу произнесения этого суждения вслух, в пользу реального действия» [8. С. 158].

Жестко, бескомпромиссно, трезво. Фаулз приходит к выводу о том, что англичанам свойствен подростковый максимализм в утверждении справедливости: «Мы — природные распространители справедливости. И только в одном мы можем считать себя совсем взрослыми (в моральном суждении), но именно этого миру от нас и не нужно... Мы знаем, что справедливость всегда больше права и глубже права: глубже в определениях, глубже в применении на практике и глубже в нашей истории. Такова зеленая суть нашего развития. Мы обречены оставаться зелеными — во всех смыслах этого слова» [8. С. 159].

Подростковая бескомпромиссность, нежелание принимать чужую позицию, убежденность в единственно правильном взгляде на мир, своем собственном, — все это может выражаться как в агрессивном поведении (британскость), так и в уходе «в леса» и внутреннем несогласии (английскость). Однако оба эти способа не являются тем путем, который способствует внутреннему росту и свободе личности. Поэтому-то Фаулз признается, что не чувствует себя англичанином, и не хочет им быть. Отсюда постоянный в его творчестве лейтмотив «утраты домена». Словами Миранды он обвиняет Англию: «И вот потому, что здесь, в Англии, у нас остается так мало надежды, приходится бежать в Париж или еще куда-нибудь за границу. Но нужно заставить себя взглянуть горькой правде в лицо: бежать в Париж — значит опуститься, скатиться вниз. И дело не в Париже, что можно сказать против этого прекрасного города! Просто нужно иметь мужество лицом к лицу встретиться с Англией, с равнодушием окружающих тебя соотечественников, вынести на своих плечах мертвый груз затхлого всебританского калибанства» [10].

Первая необходимая ступень личностного развития — это принятие себя целиком, в полном объеме достоинств и недостатков. «Лотос, чтобы стать лотосом, должен пройти через ил», — гласит восточная пословица. То же относится и к национальной самоидентичности. Отвергая свою страну, человек останавлива-

ется в личностном росте. Принимая же ее, «имея мужество встретиться лицом к лицу и... вынести на своих плечах» ее беды — становится Данко, ведущим свой народ к свету солнечного дня.

Описывая Англию XVIII в. романе «Червь» («Куколка»), Фаулз сквозь невежество и предрассудки, сквозь мракобесие и жестокость староанглийских реалий, словно продираясь сквозь дремучий и корявый лес, стремится к свету и красоте человеческой души, к одухотворенности и гармонии. Названия обеих редакций этого романа («A Maggot») в русском переводе («Червь» и «Куколка») по-своему приближены к пониманию его сути: и в англичанина, и в человека как представителя человечества. Как из уродливого кокона появляется красивое и легкое создание, так человечество XVIII в. или же XX в. (не так уж велика разница) перерастет свои калибанские стереотипы, и из куколки невежества и пуританской нетерпимости появится новый человек, человек будущего, полный легкой свободы и веры в себя. Как червяковые или червивые дыры (wormhole в русском переводе «кротовые норы», «черные дыры») обозначают места пересечения пространства-времени, где реальности и миры соприкасаются, так и роман Фаулза обещает возможность нового возрождения, иного существования как для взыскающих духа, так и для человечества в целом.

Философской доминантой творчества Фаулза становится разработка концепции свободы личности. Не о свободе как торжестве абстрактной социальной справедливости ведет он речь, а о свободе как понятии глубоко личностном, духовном, обрести которую можно только в том случае, если ты готов идти вперед, познавая и принимая: мир, людей, отличных от тебя, и себя, с каждым новым шагом вперед отличного от себя прежнего.

Для того чтобы обрести внутреннюю свободу, героям Фаулза приходится отречься от общепризнанных ценностей и того, что считается личным благополучием. Так, Сара, героиня романа «Любовница французского лейтенанта», объявляет себя падшей женщиной, поскольку это позволяет ей, пусть ценой унижения, ощутить себя свободной от социальных стереотипов викторианской Англии, вне давящих догматов. «Жить мне позволил мой позор, сознание, что я и в самом деле не похожа на других женщин. У меня никогда не будет их невинных радостей, не будет ни детей, ни мужа. А им никогда не понять, почему я совершила это преступление. — Она остановилась, словно впервые ясно осознала смысл своих слов. — Иногда мне их даже жаль. Я думаю, что я обладаю свободой, которой им не понять» [12]. В одном из вариантов финала Сара жертвует возможностью обрести счастье в браке с любимым человеком, и все ради того же — ради внутренней свободы, ради осознания себя цельной, самостоятельной личностью: «Я хочу оставаться самой собою, не приноравливаясь к тому, чего неизбежно будет ожидать от меня даже самый добросердечный, самый снисходительный супруг» [12].

Считая главной чертой английского самосознания убежденность в собственной справедливости, что является, по сути, проявлением подросткового, «зеленого», психологически незрелого отношения к миру, Фаулз во всех своих произведениях проводит героя (и читателя) через череду испытаний и разочарований, в результате которых примитивный взгляд героя на мир (как на единственно дан-

ную реальность, полностью совпадающую с его субъективным восприятием) разрушается, и герой оказывается перед открытием, что ракурсов восприятия и мировоззренческих концепций — много, и каждый из них — ценен, уникален и... справедлив. Вспоминая о Фаулзе, исследовательница его творчества Джен Релф констатирует, что не только национальная, но и личностная самоидентичность писателя не исчерпывалась одним-единственным представлением о себе: «“Я” Фаулза расколото на множество других «я», представляет хаотическое разъединение многих, зачастую весьма неохотно сосуществующих частей. Это “я” — “клуб”, состоит из множества членов; многие из них находятся в постоянном раздраженном несогласии друг с другом...» [15. С. 15]. При этом главное условие успешного сосуществования всех этих Я (успешного, т.е. обеспечивающего поступательное личностное развитие) — это свобода каждой части. То же правило определяет и межличностное взаимодействие, и гармоничное существование человечества, разделенного на множество наций. «Имеется лишь одно определение Бога, — пишет Дж. Фаулз в романе “Любовница французского лейтенанта”, — свобода, которая допускает существование всех остальных свобод» [12].

С той же позиции рассматривает писатель и социальное устройство современного общества. Поднимая в романе «Коллекционер» и сборнике философских эссе «Аристос» проблему Немногих и Многих, т.е. элиты и большинства, Фаулз считает, что целью аристос может быть только свобода и гуманизация человечества в целом. Самолюбование и самовозвеличивание, в пределах какой бы группы оно ни велось, — преступно. Как видим, и национальные, и социальные вопросы предстают в художественном мире Фаулза отражением определенного уровня нравственного развития людей. Политические и социальные проблемы, по сути, лишь игры, миражи. «Социальное неравенство является лишь отражением омертвления человеческих душ. Настоящей проблемой современного общества, считает Фаулз, становится его дегуманизация, острая нехватка человечности» [16. С. 65].

Роль писателя Джон Фаулз видел в том, чтобы изменить мир к лучшему: «Моим первейшим стремлением всегда было и оставалось желание изменить общество, в котором я живу: то есть влиять на жизнь людей» [15. С. 18]. «Долг искусства, — утверждает он в статье “Вспоминая о Кафке”, — пытаться изменить к лучшему все общество в целом» [11. С. 18]. А единственный способ изменения общества в целом — это самосовершенствование каждого человека. Именно к человеку обращены книги Джона Фаулза, говорящие о том, как, учась быть открытым новому и принимая различия, преодолевать противоречия — нравственные, межличностные и политические.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бреева Т.Н., Хабибулина Л.Ф. Национальный миф в русской и английской литературе. Казань, 2009. 616 с.
- [2] Достоевский Ф.М. Пушкинская речь. URL: <http://flibusta.net/b/13785/read> (Дата обращения: 13.12.2014).

- [3] *Достоевский Ф.М.* Преступление и наказание. URL: <http://flibusta.net/b/250229/read> (Дата обращения: 13.12.2014).
- [4] *Зиннатуллина З.Р.* «Английскость» и «британскость» в романе Дж. Фаулза «Любовница французского лейтенанта» // *Филология и культура. Вестник ТГГПУ*. 2010. № 1 (19). С. 59–63.
- [5] *Зиннатуллина З.Р.* Художественная концепция национального в творчестве Джона Фаулза: на материале романов «Женщина французского лейтенанта», «Дэниел Мартин», «Червь»: дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2012. 169 с.
- [6] *Изотов А. Дж.* Фаулз и российская идентичность. URL: http://www.netslova.ru/izotov_a/fauls.html (Дата обращения: 3.03.2016).
- [7] *Петророва Е.Г.* Концепция английскости в современном постмодернистском романе: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005. 146 с.
- [8] *Фаулз Д.* Быть англичанином, а не британцем // *Кротовые норы: статьи*. СПб.: Домино, М.: Эксмо, 2008. С. 143–159.
- [9] *Фаулз Д.* Заметки о неоконченном романе // *Кротовые норы: статьи*. СПб.; М.: Домино; Эксмо, 2008. С. 41–62.
- [10] *Фаулз Д.* Коллекционер. СПб: Кристалл, 2003. 286 с.
- [11] *Фаулз Д.* Кротовые норы. СПб.; М.: Домино; Эксмо, 2008. 720 с.
- [12] *Фаулз Д.* Любовница французского лейтенанта. URL: <http://flibusta.net/b/102663/read> (Дата обращения: 13.12.2014).
- [13] *Фаулз Д.* Франция современного писателя // *Кротовые норы: статьи*. СПб.; М.: Домино; Эксмо, 2008. С. 87–109.
- [14] *Фаулз Д.* Экранизация «Любовницы французского лейтенанта» // *Кротовые норы: статьи*. СПб.: Домино, М.: Эксмо, 2008. С. 73–86.
- [15] *Фаулз Д.* Я пишу, следовательно, я существую // *Кротовые норы: статьи*. СПб.; М.: Домино; Эксмо, 2008. С. 18–40.
- [16] *Хлыстова А.В., Демидова Е.О.* Оппозиция «немногие-многие» в художественной концепции Джона Фаулза // *Вестник Российского университета дружбы народов*. 2015. № 2. С. 60–66.

JOHN FOWLES'S NOVELS AS SEARCHES OF THE PERSONAL FREEDOM AT THE CONTEXT OF "ENGLISHNESS"

A.V. Zhuchkova

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

We look into J. Fowles novels in relation to England and «Englishness» and come to the conclusion that one of the leading ideas of his work is the adoption of personal freedom. In the novels “the Sorcerer”, “the Collector”, “the French Lieutenant’s Mistress” Fowles says about justice and freedom. The writer doubts the objective status of the concept of “justice” and instead puts forward the notion of individual freedom. Although the national character is based on the confidence in their justice, Fowles speaks of inner personal freedom as the adoption of national characteristics and their overcoming in the process of personal growth.

Key words: national identity, Fowles, Englishness, Britishness, personal freedom, justice

REFERENCES

- [1] Breeva T.N. Habibulina L.F. *Nacional'nyj mif v russkoj i anglijskoj literature* [The national myth in Russian and English literature]: Kazan', 2009, 616 p.
- [2] Dostoevskij F.M. Pushkinskaja rech' [Pushkin's speech]. URL: <http://flibusta.net/b/13785/read> (Data obrashhenija: 13.12.2014).
- [3] Dostoevskij F.M. Prestuplenie i nakazanie [Crime and punishment]. URL: <http://flibusta.net/b/250229/read> (Data obrashhenija: 13.12.2014).
- [4] Zinnatullina Z.R. «Anglijskost'» i «britanskost'» v romane Dzh. Faulza «Ljubovnica francuzskogo lejtenanta» [“Englishness” and “Britishness” in the J. Fowles novel “The French Lieutenant's Woman”]: *Filologija i kul'tura. Vestnik TGGPU*. № 1 (19), 2010, pp. 59—63.
- [5] Zinnatullina Z.R. *Hudozhestvennaja koncepcija nacional'nogo v tvorcestve Dzhona Faulza: na materiale romanov “Zhenshhina francuzskogo lejtenanta”, “Djeniel Martin”, «Cherv»* [The concept of national art in the works of John Fowles: on a material of novels “The French Lieutenant's Woman”, “Daniel Martin”, “Worm”] Diss. ... kand. filol. nauk: Kazan. (Privolzh.) feder. un-t. Kazan', 2012, 169 p.
- [6] Izotov A.Dzh. Faulz i rossijskaja identichnost' [Fowles and Russian identity]. URL: http://www.netslova.ru/izotov_a/fauls.html (Data obrashhenija: 3.03.2016).
- [7] Petrosova E.G. *Koncepcija anglijskosti v sovremennom postmodernistskom romane* [the Concept of Englishness in a contemporary postmodern novel]: Diss. ... kand. filol. nauk: Moskva, 2005, 146 p.
- [8] Faulz D. Byt' anglichaninom, a ne britancem. Krotovye nory [Wormholes]: stat'i. SPb.: Domino, M.: Jeksmo, 2008, pp. 143—159.
- [9] Faulz D. Zametki o neokonchennom romane [Notes on an unfinished novel]. Krotovye nory [Wormholes]: stat'i. SPb.: Domino, M.: Jeksmo, 2008, pp. 41—62.
- [10] Faulz D. Kollekcijer [The Collector]: SPb.: Kristall, 2003, 286 p.
- [11] Faulz D. Krotovye nory [Wormholes]. SPb.: Domino, M.: Jeksmo, 2008, 720 p.
- [12] Faulz D. Ljubovnica francuzskogo lejtenanta [The French Lieutenant's Woman]. URL: <http://flibusta.net/b/102663/read> (Data obrashhenija: 13.12.2014).
- [13] Faulz D. Francija sovremennogo pisatelja [The modern writer's France]. Krotovye nory [Wormholes]: stat'i. SPb.: Domino, M.: Jeksmo, 2008. P. 87—109.
- [14] Faulz D. Jekranizacija «Ljubovnicy francuzskogo lejtenanta» [The movie of The French Lieutenant's Woman] // Krotovye nory [Wormholes]: stat'i. SPb.: Domino, M.: Jeksmo, 2008, pp. 73—86.
- [15] Faulz D. Ja pishu, sledovatel'no, ja sushhestvuju [I write, therefore I am]. Krotovye nory [Wormholes]: stat'i. SPb.: Domino, M.: Jeksmo, 2008, pp. 18—40.
- [16] Hlystova A.V., Demidova E.O. Oppozicija «nemnogie-mnogie» v hudozhestvennoj koncepcii Dzhona Faulza [«The Few and the Many» opposition in John Fowles artistic concept]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov* [Bulletin of Russian Peoples' Friendship University]. 2015. № 2, pp. 60—66.